

Доминанты национальной ментальности

Олег ПРОЛЕСКОВСКИЙ,
министр информации
Республики Беларусь

Лев КРИШТАПОВИЧ,
доктор философских наук,
профессор

В судьбе каждого народа в конкретно-исторические периоды его жизненного бытия выступает ключевая задача, от решения которой зависит смысл дальнейшей истории. Для всех нас – белорусов, русских, украинцев – приоритетным сегодня является сохранение и укрепление своих исторических традиций и национальных ценностей. В этом аспекте празднование Крещения Руси – хороший повод для обращения к судьбоносным традициям исторической Руси, в рамках которой сформировался национальный характер наших братских народов. Применительно к актуальностям сегодняшнего дня важно выяснить роль Крещения Руси как в процессе формирования национального самосознания древнерусской народности, так и в ходе государственного строительства.

Необходимо осознать: выбор православия, или, другими словами, русской веры, среди прочих факторов был обусловлен ментальностью наших предков, что, в свою очередь, закрепило тот исторический тип самосознания белорусов, русских, украинцев, который теперь можно назвать современным. По сути дела, православие пришло именно на ту землю, где существовали ментальные предпосылки его сохранения и догматически сцементировало существующее положение вещей. Таким образом, современное белорусское общество – воплощение традиций и ценностей исторической Руси.

Наша общая вера

В этом году народы России, Беларуси и Украины отмечают знаменательное событие – 1025-летие Крещения Руси. Зачастую, говоря о Крещении Руси, все дело сводится к сугубо религиозно-церковному фактору – самому факту принятия древними русичами православной христианской веры. В чисто догматическом плане, разумеется, правильно. Но такого понимания сущности Крещения Руси, ограниченного лишь рам-

ками церковного календаря, будет недостаточно. Дело в том, что оно было не только важным религиозно-церковным событием, но и имело фундаментальное значение в дальнейшей жизни наших предков. Фактически Крещение Руси явилось завершающим этапом формирования общерусской этнической идентичности, выразившейся в единой общерусской письменности, едином искусстве и архитектуре, едином образе жизни, общерусской народности и общерусском государстве. Языческие восточнославянские племена полян, древлян, кривичей, словен, дреговичей, радимичей, северян, вятичей уступили свое место единой общерусской народности – колыбели трех братских народов: русского, белорусского и украинского. Именно с этого времени исчезают племенные территориальные образования восточных славян, уступая место единой Русской земле, границы которой простирались от Черного и Азовского морей на юге до Белого моря на севере, от Красной Руси на западе до берегов Волги на востоке.

Складывается единая общерусская цивилизация со своими пространственными, временными и ментальными параметрами.

Уже при выборе веры можно зафиксировать ментальную специфику древних русичей, которая отличалась от веры других народов... Традиции предков – священны. Им нельзя изменять, потому что это – опора, фундамент, на котором только и может строиться настоящий Храм. Важно отметить: православная вера в те далекие времена в первую очередь называлась русской верой. Русская – это определение не только религиозно-церковное, но и цивилизационно-культурное. Отсюда и название нашей церкви – не просто православная, а Русская православная церковь, где понятие Русь является корневым, определяющим. В строго историческом, научном плане нет ни белорусской, ни украинской православной церкви, а есть лишь общая Русская церковь, где общерусскость является ментальной характеристикой белоруса, русского и украинца. Все дальнейшие процессы – национальные, религиозные, политические, культурные – на территории всей Русской земли уже определялись общерусским цивилизационным кодом, протекали в логике общерусской истории. Это в полной мере относится и к Беларуси.

ОБ АВТОРАХ

ПРОЛЕСКОВСКИЙ Олег Витольдович.

Родился в 1963 году в г. Загорске (ныне г. Сергиев Посад) Московской области. В 1985 году окончил Минское высшее инженерное зенитное ракетное училище ПВО, в 1998 году – Белорусский государственный университет.

Служил в Группе советских войск в Германии. В 1990–2002 годах работал в Минском ВИЗРУ, Военной академии Беларуси, Службе безопасности Президента Республики Беларусь. В 2002–2003 годах возглавлял РУП «Белорусское телеграфное агентство».

С 2003 по 2006 год работал в должности заместителя главы Администрации Президента Республики Беларусь. В 2006–2008 годах – помощник Президента – начальник главного идеологического управления Администрации Президента. С 2008 по 2009 год – директор Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь.

С декабря 2009 года – министр информации Республики Беларусь.

Автор нескольких книг и ряда публикаций по вопросам идеологии.

Председатель Совета по гуманитарному сотрудничеству государств – участников СНГ.

КРИШТАПОВИЧ Лев Евстафьевич.

Родился в 1949 году в д. Пекалин Смолевичского района Минской области.

В 1976 году окончил исторический факультет Белорусского государственного университета.

С 2008 года – заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь.

Доктор философских наук (1998), профессор (2005).

Автор около 200 научных публикаций, в том числе 3 монографий.

Сфера научных интересов: социально-политические процессы в современном мире, вопросы национально-государственного развития Беларуси.

Через призму исторической достоверности

Президент Беларуси Александр Лукашенко отмечал, что «Беларусь является православной страной, и мы всегда будем верны православию». Что это означает? Ведь с чисто религиозно-церковной точки зрения данный тезис явно будет некорректен. Очевидно, что Беларусь – многоконфессиональная страна: кроме православия, здесь существуют и другие традиционные конфессии – католицизм, иудаизм, ислам, различные направления протестантизма. Поэтому единственно правильное прочтение данного тезиса может быть следующим: Беларусь является русской страной, и белорусы верны своей общерусскости. Это надо понимать в том смысле, что Беларусь – составная часть общерусской цивилизации, а белорусы, русские и украинцы – братские народы, в основе которых лежит общерусская идентичность. Та же идея проводилась А. Лукашенко и в его выступлении на XV Всемирном конгрессе русской прессы, где он подчеркнул, что если брать понятие русской цивилизации в самом широком смысле этого слова, то оно относится ко всем нам – и русским, и украинцам, и белорусам [1, с. 2].

Отсюда должно быть понятно, как несостоятельны попытки определенных историков вывести из Великого Княжества Литовского некую белорусскую идентичность. Несостоятельны по той простой причине, что образование ВКЛ основывалось именно на отрицании общерусского характера формирующейся белорусской народности. К слову, в грамоте, данной виленскому католическому епископу, великий князь литовский Ягайло приказывает литовцам не заключать браков с русскими (так именовались в то время нынешние белорусы и украинцы). А если такие браки уже существуют или, несмотря на запрещение, будут впредь заключаемы, то их не расторгать, но лицо русской веры должно принять латинство, к чему принуждать таких людей наказанием розгами. Перейти в другую веру в то время было актом не только религиозно-церковным, но актом историческим, цивилизационно-ментальным. Отказаться от своей русской веры означало отказаться от своей истории, от своей идентичности, исчезнуть как русский народ. Поэтому исто-

рическая парадигма движения ВКЛ была абсолютно противоположна движению общерусской истории, общерусской традиции. Об этом красноречиво свидетельствует Михалон Литвин, который подчеркивал, что «рутенский (т.е. русский) язык чужд нам, литвинам, то есть италиянцам, происшедшим от италийской крови». Эта сентенция показательна не с точки зрения уяснения исторической достоверности происхождения литовцев, а как ясное указание одного из литовских интеллектуалов XVI века о принципиальном отличии философии истории Великого Княжества Литовского от развития общерусской цивилизации. Отсюда вывод: история ВКЛ никакого отношения к белорусской ментальности, белорусской исторической традиции не имеет. Это чужая история.

Но есть традиции, которые закреплены в ментальности белорусского народа. Это касается общности происхождения и исторических судеб белорусов и русских. Всякие попытки иронизировать над этой традицией как раз и свидетельствуют или о непонимании исторического процесса формирования белорусской народности, или о сознательном намерении фальсифицировать белорусскую историю, осуществить ликвидацию белорусской ментальности, чтобы навязать нам чужую систему исторических взглядов и представлений. Да, белорусы и русские – два народа. Но это народы-братья. Отличаясь эмоциональными оттенками, они, тем не менее, представляют собой единую этнокультурную и цивилизационную общность. В известном смысле есть основания утверждать, что белорус является более русским человеком, чем великоросс. Как образно сказал Президент Александр Лукашенко, «белорус – это русский со знаком качества» [2, с. 7].

Общерусская идентичность

Специфика исторического развития Беларуси проявляется в том, что на территории Белой Руси функционировали две истории. История польско-шляхетская и история общерусская (белорусская). После того как земли Белой Руси оказались в составе Великого Княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой, происходит становление польско-шляхетской истории. Первоначально польско-шляхетская история существо-

▲ «Грамматика»
М. Смотрицкого.
Издание 1721 года.
Москва

вала наравне с общерусской и несколько не превосходила последнюю. Но по мере денационализации высшего русского этнического сословия польско-шляхетская история не только стала доминировать над общерусской, но и полностью завладела литературным пространством всей Белой Руси. Этот процесс ликвидации общерусской исторической литературы затянулся на целое столетие, начиная от Люблинской унии 1569 года и кончая примерно серединой XVII века. «Диариуш» («Дневник») Афанасия Филипповича (1646) можно считать одним из последних видных произведений общерусской истории. А в конце XVII века старорусский язык, на котором печаталась общерусская литература, был окончательно заменен польским языком.

Знаменитый автор «Грамматики» Мелетий Смотрицкий в другом своем общерусском произведении «Фринос», или «Плач восточной церкви» (1610) констатирует смерть высшего сословия древнего русского народа (так именовались в то время будущие белорусы и украинцы), погибшего в полонизме, латинстве и иезуитизме. «Где теперь, – вопрошает Мелетий Смотрицкий, – дом князей Острожских, который превосходил всех ярким блеском своей древней православной веры? Где и другие славные роды русских князей – князья Слуцкие, Заславские, Вишневецкие, Чарторыйские, Соломерецкие, Соколинские, Лукомские и другие без числа?» [3, с. 149]. Все они, как подчеркивал Мелетий, денационализировались, стали польскими магнатами,

▲ Семья белорусского крестьянина. Начало XX века

которые в национально-ментальном плане уже ничего общего не имели с простым народом, с общерусскостью. Взять, к примеру, Адама Чарторыйского, который был другом Александра I и заместителем министра иностранных дел России. Это уже был не русский князь, а прожженный польский аристократ, который всеми фибрами своей иезуитской души ненавидел как русскую власть, так и белорусский народ, и делал все возможное, чтобы на территории Беларуси сохранить польское шляхетство и польский шовинизм. Особенно он усердствовал в насаждении польско-шляхетского самосознания в качестве попечителя Виленского учебного округа. Такая образовательная и воспитательная деятельность распространилась на территории современной Литвы, Беларуси и значительной части Украины (Киевская, Волынская и Подольская губернии). Все преподавание велось на польском языке, гимназии, училища, приходские школы при католических и базилианских монастырях, при костелах контролировались руководством Виленского университета. Студенты, учащиеся и школьники воспитывались в духе преданности польской истории и польской национальности. Надо прямо сказать, что этому способствовала политика заигрывания царских чиновников с польской шляхтой, которая при императоре Павле I была приравнена к русскому дворянству и русскому чиновничеству. Объективно власть польской шляхты в Беларуси стала гораздо сильнее, чем во времена собственно Речи Посполитой. Как справедливо указывал белорусский этнограф Евдоким

Романов (под псевдонимом Е. Белицкий) в своей книге «Под польским игом», «чего под польским гнетом могилевчане и витебляне не допустили сделать Кунцевичу (униатский архиепископ XVI века, жестокий гонитель православной веры. – Прим. авт.), несмотря на кровавые расправы, устраиваемые поляками, то с лихвой доделала петербургская бюрократия. В этом отношении она прямая преемница Кунцевича» [4, с. 94].

Русскими по своей ментальности остались лишь белорусские крестьяне и мещане. Им противостояла этнически чуждая и ментально несовместимая польская шляхта, которая экономически, культурно и идеологически господствовала на Белой Руси вплоть до Октябрьской революции 1917 года. Господство польской шляхты выражалось и в господстве польско-шляхетских исторических концепций на белорусской земле, которые современными квазиисториками и квазикультурологами выдаются за белорусскую историю. Эта подмена белорусской, то есть общерусской, истории польской историей в большой степени затронула даже сознание значительного круга научного и культурного сообщества в Беларуси. Логика здесь проста. Раз литература создавалась местными уроженцами, то значит, это белорусская литература. Все дело в том, что по своей национально-культурной идентификации это были типичные польские шляхтичи, которые ментально были абсолютно чужды коренному населению – белорусам. Даже если отдельные представители и относились сочувственно к белорусским крестьянам, занимались собиранием белорусского фольклора и называли себя литвинами, то антирусская сущность данного сословия от этого нисколько не менялась. По совокупности своих исторических представлений и политических ориентаций они ничем не отличались от польского этнографа, тоже уроженца белорусской земли Александра Рыпинского, который в своей книге «Беларусь», изданной в Париже в 1840 году, призывал белорусских матерей «первой своей обязанностью учить своих детей произносить святое имя Польши еще до того, как ребенок научится выговаривать слово «мама». «Рука матери, – требует польский шовинист, – не должна давать ребенку необходимую еду до того времени, пока он не попросит ее по-польски» [5, с. 10]. Таким

образом, во всей этой польско-шляхетской литературе с ее мнимой заботой о белорусах проводился все тот же польский шовинизм, рассматривавший Беларусь как польскую провинцию и ориентировавшийся на восстановление Польши в границах 1772 года.

Но общерусская история, прекратив свое письменное существование с конца XVII века, тем не менее, не исчезла. Она сохранила себя в устно-поэтическом творчестве белорусского народа. Именно в белорусских песнях, легендах, сказках, поговорах, поговорках, праздниках, обрядах продолжала жить наша родная общерусская история на протяжении XVIII–XIX веков. Она ждала своего часа, чтобы стать источником национального возрождения белорусского самосознания. И этот час наступил. Благодаря помощи Российской академии наук и Российского географического общества с середины XIX века в Беларуси основательно взялись за разработку древних памятников и издание древней общерусской литературы. Путь этот оказался самым продуктивным. Было опубликовано множество исторических источников, в том числе Акты Западной и Южной России, произведения полемической литературы конца XVI – начала XVII века, в которых заиграла всеми красками общерусская история. Благодаря проведенной титанической работе появилась реальная возможность представить верное понимание белорусской истории, ибо в древней литературе везде звучали великие, объединяющие русских, белорусов и украинцев слова – Русь, древний русский народ, русская земля. Вся эта литература была написана на старорусском языке, который был общим для Белой Руси и Украины. Не случайно «Граматику» Мелетия Смотрицкого Михаил Ломоносов называл «вратами своей учености».

Непонимание специфики формирования белорусского самосознания лежит в основе фальсификаторского тезиса о русификации белорусского народа в досоветский и советский периоды. Данные социологических исследований показывают, что число граждан республики, считающих своим родным языком белорусский или русский, приблизительно равно. В то же время, хотя белорусами себя называют более 80 % жителей страны, большинство наших соотечественников в повседневной

жизни пользуются русским языком. Тем самым опровергается выдумка русофобов о русификации белорусского народа, подтверждается специфика белорусской идентичности, которую нельзя подвести под шаблоны исторического словаря. Это выражается в том, что русский язык – не иностранный, а такой же родной язык для белорусов, как и белорусский. А русский народ – не иностранцы, как например, французы, немцы или англичане, а родственный для белорусов этнос. Причем важно понять, что русский язык был родным для белорусов и в досоветский период. Поэтому ни о какой русификации белорусского народа не только в XX, но и даже в XIX веке не может быть речи.

Подтверждение этой бесспорной мысли можно видеть в языковой политике польского правительства в Западной Беларуси в 1921–1939 годах. Так, в секретной записке полесского воеводы В. Костек-Бернацкого министру внутренних дел Польши в январе 1937 года указывается, что «не может быть и речи о том, чтобы в течение ближайших 10 лет учителем на Полесье был белорус или даже местный полешук. Учитель-полешук православного вероисповедания чаще всего русифицирует местное население, вместо активной учительской деятельности для пользы Польши» [6, с. 154]. А в аналогичной секретной записке белостокского воеводы Г. Осташевского от 23 июня 1939 года говорится: «Сознательный белорусский элемент придерживается прорусской ориентации. В первом ряду стоят здесь древние русские симпатии... Мы должны одолеть древнюю белорусскую культуру» [6, с. 182].

Таким образом, даже идеологические и политические недруги России, говоря о том, что белорусский учитель русифицирует местное население, объективно признают очевидный факт: для нашего народа не существовало проблемы выбора между белорусским и русским языками, поскольку для белорусов они были одинаково родными, и белорусская культура, основывающаяся на древних русских традициях, рассматривалась как неотъемлемая часть общерусского культурного мира.

Традиционная истерика «белорусизаторов» о так называемой русификации белорусов вызвана вовсе не заботой о развитии белорусского языка. Под предлогом возрождения родного языка преследуется

цель противопоставить белорусский язык русскому, зачислить русский язык в разряд иностранного наподобие английского и немецкого, иначе говоря, лишить русский язык всякого упоминания о его родстве с белорусским, тем самым противопоставить белорусов и русских друг другу как совершенно разные народы, которые не имеют между собой ничего общего. «Белорусизаторы» понимают, что для отрицания этнического родства белорусов и русских необходимо именно отрицание русского языка как родного для белорусов. Зачем это делается? Чтобы осуществить вековую мечту всех русофобов – путем разъединения наших братских народов разрушить нашу общерусскую историю, нашу общерусскую цивилизацию с целью реализации их программы «Натиска на Восток», будь это крестовые походы немецких рыцарей, агрессивная политика польской шляхты против Руси и православия, «жизненное пространство» фашизма или современное продвижение НАТО на Восток.

Вся эта возня вокруг возрождения белорусского языка – имитация, пыль в глаза доверчивой публике. Ибо, изгоняя русский язык из категории родного для белорусов, они тем самым делают белорусский язык незащищенным. Впрочем, такая попытка уже была в нашей истории. Напомним о деятельности в 1920-е годы такого «белорусизатора», как академик Белорусской академии наук Язэп Лёсик. Будучи автором учебников по белорусскому языку и активно участвуя в создании белорусского литературного языка, он предпринимал все меры, чтобы противопоставить белорусский язык русскому. Всякое заимствование в белорусский язык из русского (в том числе даже научно-технической терминологии) Язэп

Лёсик объявлял недопустимой русификацией. Вместе с тем он охотно включал в белорусский литературный язык всевозможные полонизмы. Усилиями Лёсика и других аналогичных «белорусизаторов» белорусам навязывался такой «белорусский» язык, который для них был абсолютно непонятен.

Так, под видом возрождения белорусского языка современные «белорусизаторы» реализуют давнюю иезуитскую программу: сменить ментальность белорусской интеллигенции, превратить ее, хотя бы на первоначальном этапе, в литвинскую. Главное, считают они, чтобы интеллигенция отказалась от своей русскости, а народ никуда не денется. Как прикажут ему, так и будет. Но такая «белорусизация» есть не что иное, как программа ликвидации белорусского народа и Беларуси. Аналогичные ситуации уже известны в истории. Посмотрите на судьбу полабских славян – лютичей, ободритов и других. Стали ли они немцами? Нет, они исчезли из истории как народы. Хотя, разумеется, отдельные представители полабских славян идентифицировались в качестве немцев. В реальности «белорусизаторы» ведут дело не к возрождению белорусского языка, а к ликвидации как белорусов, так и Беларуси. Важно понимать, что русский язык – это не только родной язык для белорусов, но и язык, который выполняет функцию главного гаранта сохранения и укрепления белорусской идентичности. Поэтому всякое противопоставление белорусского и русского языков, попытка зачислить русский язык в категорию иностранного языка для белорусов будет вести к утрате этнического самосознания нашего народа и к ликвидации самого белорусского языка.

Чтобы нас признавали в современном мире, надо, в первую очередь, беречь свою общерусскую историю. Отказываться же от нее или подменять польско-шляхетской – значит отказываться от своих исторических корней, не уважать своих предков, в конечном счете – не уважать самих себя. В таком случае все разговоры о любви к Родине, о патриотическом воспитании молодежи окажутся гласом вопиющего в пустыне. Вот почему необходимо с уважением относиться к своей общерусской истории, в рамках которой сформировалась белорусская народность и реализовалась белорусская государственность. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукашенко, А. Языку не нужны визы / А. Лукашенко. – Советская Белоруссия. – 2013. – 21 июня.
2. Лукашенко, А. Большое видится на расстоянии / А. Лукашенко. – Советская Белоруссия – 2010. – 5 января.
3. Коялович, М.О. Шаги к обретению России / М.О. Коялович. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011.
4. Белицкий, Е. Под польским игом / Е. Белицкий. – Вильна, 1908.
5. Rypiński, A. BiałoRuś. Kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji, o jego muzyce, śpiewach, tancach etc. / A. Rypiński. – Paryż, 1840. .
6. Польша – Беларусь (1921–1953): сб. документов и материалов / сост.: А.Н. Вабищевич [и др.]. – 2-е изд. – Минск: Беларуская навука, 2012. – 423 с.